

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-23-35
УДК 327.3(045)

Постзападный порядок и евразийская многослойность: региональные организации как инструменты российской внешней политики

В.М. Гатто

Университет UNINT, Рим, Италия;
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию институциональной стратегии России на евразийском пространстве через призму четырех ключевых региональных организаций: Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества, Организации Договора о коллективной безопасности и Содружества Независимых Государств. На фоне трансформации международного порядка, ослабления западных моделей глобального управления и перехода к многополярности Россия стремится закрепить свои интересы через институциональные механизмы, позволяющие формировать альтернативную архитектуру региональной координации. В работе предлагается комплексный политико-аналитический анализ логики, структуры и динамики указанных объединений как взаимосвязанных элементов внешнеполитической стратегии России. Показано, что Москва реализует многослойную модель, включающую формализованные механизмы (ОДКБ, ЕАЭС) и гибкие форматы (ШОС, СНГ), адаптированные под разные направления и уровни интеграции. Отдельное внимание уделено сравнительному анализу роли России, Китая и Индии, а также внутренним противоречиям в институциональной практике — от разницы в правовых режимах до символической политики регионального лидерства. Новизна исследования заключается в интерпретации региональных организаций не как изолированных институтов, а как функционально связанных компонентов целостной стратегии построения постзападного порядка. В статье рассматриваются механизмы валютной и трудовой интеграции, последствия санкционного давления, логика безопасности и принципы политического балансирования. Сделан вывод о том, что Россия конструирует не централизованный блок, а сеть режимов, объединенных общей нормативной платформой, в рамках которой утверждаются принципы суверенитета, невмешательства и стратегической автономии. Эти структуры выступают аренами проекции влияния, легитимации альтернативных норм и управления противоречиями в условиях глобальной турбулентности.

Ключевые слова: многополярность; региональная интеграция; институциональная стратегия России; конкуренция норм; постзападный порядок; евразийские форматы сотрудничества

Для цитирования: Гатто В.М. Постзападный порядок и евразийская многослойность: региональные организации как инструменты российской внешней политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):23-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-23-35

ORIGINAL PAPER

The Post-Western Order and Eurasian Multilayering: Regional Organizations as Instruments of Russian Foreign Policy

V.M. Gatto

UNINT University, Rome, Italy;
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article explores Russia's institutional strategy in the Eurasian space through the lens of four key regional organizations: the Eurasian Economic Union, the Shanghai Cooperation Organization, the Collective Security Treaty Organization, and the Commonwealth of Independent States. Against the backdrop of global systemic transformation, the weakening of Western-centered governance models, and the shift toward multipolarity, Russia seeks to consolidate its interests via institutional

mechanisms that support an alternative architecture of regional coordination. The study offers a comprehensive political analysis of the structure, function, and internal dynamics of these organizations as interrelated instruments of Russian foreign policy. It demonstrates that Moscow has developed a multi-tiered model combining formal mechanisms (CSTO, EAEU) and flexible frameworks (SCO, CIS), tailored to different levels and directions of cooperation. Special attention is given to the comparative roles of Russia, China, and India, as well as to internal contradictions, ranging from legal asymmetries to symbolic practices of leadership. The article's originality lies in interpreting these regional organizations not as isolated entities but as interconnected components of a coherent strategy aimed at shaping a post-Western international order. It examines instruments of currency and labor integration, responses to sanctions, security coordination, and regional power balancing. The analysis concludes that Russia is constructing not a centralized bloc, but a regime-based network unified by a normative framework rooted in sovereignty, non-interference, and strategic autonomy. These structures function as platforms for projecting influence, legitimizing alternative governance norms, and managing contradictions in a fragmented and turbulent global context. The article provides insight into how institutional layering and cross-regional mechanisms underpin Russia's ambition to serve as a civilizational core in the evolving multipolar world.

Keywords: multipolarity; regional integration; Russia's institutional strategy; norm competition; post-Western order; Eurasian cooperation frameworks

For citation: Gatto V.M., *The post-Western order and Eurasian multilayering: Regional organizations as instruments of Russian foreign policy. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025;15(4):23-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-23-35*

ВВЕДЕНИЕ

Формирование новой архитектуры мировой политики сопровождается кризисом универсалистского глобального порядка, базирующегося на доминировании западных институтов и либеральных нормативных установок. Одним из наиболее ярких проявлений этих изменений стала активизация региональных форматов координации, отражающих стремление отдельных государств и цивилизационных блоков к стратегической автономии. На этом фоне Россия занимает особое место: как держава с историческим опытом регионального лидерства и глобальными претензиями, она стремится конструировать собственную модель многоуровневого порядка в Евразии, основанную на принципах суверенитета, невмешательства и полицентричности.

Современная научная литература предоставляет многочисленные исследования отдельных организаций с участием России — таких как ЕАЭС, ОДКБ или ШОС. Однако остается явно недостаточной комплексная интерпретация того, каким образом Россия использует институциональные механизмы для стратегического оформления своего влияния, а также какова взаимосвязь между различными организациями, функционирующими в условиях фрагментированной легитимности, асимметрии интересов и различий в институциональной плотности. Кроме того, существующие подходы нередко анализируют данные структуры изолированно друг от друга, упуская из виду системный характер российской внешнеполитической логики в регионе.

Научная новизна данного исследования заключается в попытке комплексного анализа четырех ключевых региональных организаций как единой институциональной сети, направленной на реали-

зацию российской стратегии формирования многополярного и постзападного порядка в Евразии. Впервые предлагается аналитическая реконструкция этих организаций не как автономных акторов, а как взаимосвязанных элементов общей политико-институциональной конструкции. Данная статья стремится восполнить указанный пробел, представив целостную политико-аналитическую трактовку евразийской архитектуры, где Россия выступает в роли как организующего центра, так и посредника между различными формами регионального управления.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование направлено на теоретическое и эмпирическое осмысление многоуровневой институциональной стратегии России в постсоветском и шире — евразийском пространстве. Основная цель заключается в выявлении логики взаимодействия формальных и неформальных форматов координации, оценке степени их политической и функциональной интеграции, а также в интерпретации роли России как системного конструктора регионального порядка. Особое внимание уделяется тому, как посредством данных организаций осуществляется не только проекция российской власти, но и институционализация альтернативных норм глобального управления, нацеленных на снижение зависимости от западных моделей и утверждение принципов многополярности. Тем самым работа стремится не только описать существующие механизмы регионального лидерства, но и предложить объяснительную модель функционирования перекрывающихся режимов, сочетающих в себе элементы конкуренции, кооперации и символической политики.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование опирается на качественный междисциплинарный подход, сочетающий инструменты сравнительного институционального анализа, политико-стратегической интерпретации и элементов критической геополитики. Эмпирическую базу составляют официальные документы, аналитические доклады, стенограммы и публичные заявления, опубликованные в 2014–2024 гг. организациями ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и СНГ, а также статистические материалы Евразийской экономической комиссии, Совета коллективной безопасности и генеральных секретариатов соответствующих структур.

Важной частью источниковой базы стали научные публикации и экспертные отчеты, охватывающие как российские, так и зарубежные академические перспективы. Среди них — статьи, опубликованные в международных рецензируемых журналах (*Journal of Eurasian Studies*, *East Asia*, *Europe-Asia Studies*, *Journal of Risk and Financial Management* и др.), региональные аналитические издания, а также отчеты авторитетных исследовательских центров, таких как Carnegie Endowment и Российский совет по международным делам (RIAC). Используются как количественные исследования торговли, миграции и цифровой интеграции, так и качественные обзоры институциональной архитектуры и санкционного давления.

Методологически работа сосредоточена на изучении механизмов нормативной институционализации, внутренней асимметрии и режимной адаптации к внешнеполитическим вызовам — таким как санкционное давление, кризисы доверия и миграционные сдвиги. Анализ проводится с учетом степени формализации каждого из объединений, их политико-юридической природы, устойчивости к внешнему давлению и способности к балансировке интересов внутри организаций. Такой подход позволяет выявить не только структурные характеристики, но и функциональную динамику взаимодействий между ключевыми региональными форматами, в которых Россия играет центральную и системообразующую роль.

1. Шанхайская организация сотрудничества

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) представляет собой ключевую институциональную платформу в формирующейся архитектуре евразийского регионализма и многополярности. Официально учрежденная в 2001 г., ШОС берет свое начало от формата «Шанхайская пятёрка», созданного в 1996 г. и изначально нацеленного на урегулирование пограничных споров и укрепление доверия в сфере безопасности между Китаем, Россией и тремя госу-

дарствами Центральной Азии — Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном¹. Присоединение Узбекистана стало поворотным моментом, после которого формат трансформировался в полноценную международную организацию, мандат которой со временем вышел далеко за пределы военной повестки, охватывая также экономическое, политическое, культурное и технологическое сотрудничество.

Последующее вступление Индии и Пакистана в 2017 г., а также Ирана в 2023 г. существенно изменило геополитический вес организации, превратив ее в одну из крупнейших региональных структур по численности населения и территориальному охвату. В своей сути ШОС функционирует как многоуровневая платформа для региональной координации, особенно в таких областях, как борьба с терроризмом, обеспечение региональной стабильности и формирование альтернативных — преимущественно антизападных — нормативных моделей взаимодействия. Важнейшим инструментом реализации задач ШОС в области безопасности выступает Региональная антитеррористическая структура (РАТС), расположенная в Ташкенте. Данная структура обеспечивает обмен разведывательной информацией, проведение совместных операций и правовую гармонизацию усилий государств-членов в борьбе с так называемыми «тремя злами» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [1].

Несмотря на отсутствие у ШОС институциональной глубины, присущей Европейскому союзу, или степени военной интеграции, характерной для НАТО, организация последовательно развивает механизмы взаимодействия в сфере безопасности, включая регулярные масштабные военные учения (например, серия «Миссия мира»), координацию действий в кризисных ситуациях и сотрудничество в киберпространстве. В экономическом измерении, несмотря на ограниченный уровень интеграции, инициатива «Один пояс — один путь» Китая и концепция «Большого евразийского партнерства» России все более пересекаются в пространстве ШОС, создавая взаимодополняющие рамки для инфраструктурной связанности и обмена ресурсами. С идеологической точки зрения ШОС продвигает принципы многополярного и постлиберального мирового порядка, основанного на уважении государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела и легитимности действующих режимов — в противопоставление западным моделям управления и интервенции.

К числу наиболее значимых достижений организации относятся институционализация антитер-

¹ https://mid.ru/en/foreign_policy/rso/1894660/

рористического сотрудничества в регионе, интеграция ведущих южноазиатских держав и укрепление статуса ШОС как форума стратегического диалога между Россией, Китаем и другими государствами Евразии. Таким образом, ШОС выступает не просто как функциональный союз в сфере безопасности, но и как нормообразующая структура, обеспечивающая реализацию стратегических устремлений ведущих участников — в частности, в стремлении к формированию альтернативной модели глобального управления, противостоящей западной гегемонии.

1.1. Роль России в ШОС

Роль России в Шанхайской организации сотрудничества носит как учредительный, так и стратегический характер, отражая ее стремление утвердиться в качестве одного из ключевых центров силы в условиях многополярного мирового порядка. Будучи одним из главных архитекторов организации наряду с Китаем, Россия последовательно рассматривает ШОС как важнейший инструмент формирования архитектуры безопасности и политического устройства Большой Евразии — геополитического пространства, где Москва стремится сохранить и укрепить свое влияние, особенно в Центральной Азии, которая исторически находилась в орбите ее внешнеполитических интересов.

В рамках ШОС Россия играет ведущую роль в определении повестки в сфере безопасности, опираясь на свои военные возможности и дипломатический потенциал для продвижения коллективных подходов к противодействию терроризму, экстремизму и дестабилизации. Посредством таких инициатив, как многонациональные военные учения серии «Миссия мира», а также через активное участие в деятельности Региональной антитеррористической структуры (РАТС) Россия стремится укрепить свой имидж гаранта регионального порядка и надежного партнера в обеспечении устойчивости Евразии [2].

1.2. Российско-китайские отношения в рамках ШОС

Несмотря на официальное стратегическое партнерство между Россией и Китаем в рамках ШОС, их взаимодействие скрывает под собой элементы геополитического соперничества, особенно в вопросе влияния в Центральной Азии — ключевом регионе для обоих государств. Для России ШОС выступает в качестве механизма сохранения традиционного доминирования на постсоветском пространстве, а также как средство закрепления за собой роли главного поставщика безопасности. Москва зани-

мает лидирующие позиции в военном измерении деятельности ШОС, координирует проведение совместных антитеррористических учений, оказывает влияние на деятельность РАТС и продвигает нормативную повестку, основанную на принципах государственного суверенитета и стабильности режимов [3].

Одновременно Россия использует политическую платформу ШОС для продвижения своей концепции Большого евразийского партнерства, позиционируя себя в качестве равноправного партнера Китая и одного из неотъемлемых центров силы в многополярной системе международных отношений. Примечательно, что включение Индии — страны с исторически напряженными отношениями с Китаем — в состав ШОС активно поддерживалось Москвой, что свидетельствует о стремлении сбалансировать китайское влияние в рамках номинально кооперативной структуры.

В то же время Китай все более активно использует экономические инструменты в рамках ШОС, интегрируя инициативу «Один пояс — один путь» в повестку организации и предлагая кредиты, инфраструктурные проекты и торговые стимулы, значительно превосходящие экономические возможности России. Несмотря на формальное признание Пекином ведущей роли Москвы в вопросах безопасности, именно Китай стал предпочтительным экономическим партнером для ряда государств Центральной Азии, что постепенно подрывает позиции России и формирует асимметричную взаимозависимость внутри организации [4].

Таким образом, складывается своеобразное функциональное разделение труда: Россия выступает в качестве гегемона в сфере безопасности, Китай — как лидер в экономике. Однако эта схема порождает стратегическую напряженность: Москва опасается маргинализации, тогда как Пекин проявляет осторожность по отношению к российской напористости и ее попыткам вписать ШОС в контекст более широких евразийских интеграционных амбиций. Их соперничество проявляется не в форме открытого конфликта, а через институциональные маневры, расширение членства и конкурирующие региональные концепции, что превращает ШОС одновременно в арену евразийского сотрудничества и скрытого стратегического соперничества.

1.3. Актуальные события и трансформация ШОС после 2022 года

После начала украинского кризиса в 2022 г. Шанхайская организация сотрудничества столкнулась

с серьезным испытанием своей сплоченности, актуальности и стратегической направленности. Несмотря на то, что организация воздержалась от официальной оценки так называемой «специальной военной операции» России, деятельность ШОС с того времени — включая проведение саммитов и дипломатические контакты — все чаще отражает нарастающие разногласия между ее участниками, обусловленные различием их внешнеполитических ориентиров и национальных интересов.

Особенно показательной в этом отношении стала встреча на высшем уровне в Самарканде в 2022 г., проходившая в условиях резкой глобальной поляризации. В ходе саммита ряд лидеров, включая премьер-министра Индии Нарендра Моди, продемонстрировали сдержанную дистанцию по отношению к действиям Москвы, выражая озабоченность международными последствиями конфликта. Одновременно Россия стремилась использовать ШОС как платформу для демонстрации устойчивости и дипломатической легитимности, позиционируя организацию в качестве противовеса западным коалициям, вводящим санкции и осуществляющим попытки международной изоляции Москвы.

Параллельно с этим возрос интерес к евразийскому пространству как к стратегическому коридору — отчасти из-за нарушений глобальных логистических цепочек, — что придало ШОС дополнительную значимость в качестве площадки для энергетического диалога, развития транспортной связанности и экономического взаимодействия вне рамок западно-центричной системы. Принятие Ирана в качестве полноправного члена в 2023 г., а также активизация сотрудничества с государствами-наблюдателями (в частности, Белоруссией) и странами-партнерами по диалогу, такими как Саудовская Аравия и Египет, свидетельствуют о растущем интересе к ШОС как к неформальной, многополярной платформе в условиях фрагментированной международной системы [2].

Тем не менее вооруженный конфликт также обострил противоречия внутри организации — в особенности между прагматичным и осторожным подходом Китая, стратегической автономией Индии и более конфронтационной позицией России. Несмотря на данные напряженности, ШОС продолжила функционировать, проводя совместные антитеррористические учения и расширяя тематическую повестку. Новыми направлениями стали вопросы кибербезопасности, продовольственной безопасности и климатического сотрудничества, что свидетельствует о способности института адаптироваться к изменяющимся глобальным условиям.

Показательным в этом контексте стал Форум ШОС в Астане в 2024 г., организованный при участии Казахстана как активного посредника между различными политическими центрами организации. Форум обозначил переход ШОС к более открытой, общественно-политической модели взаимодействия, где все большую роль начинают играть не только государства-члены, но и партнерские институты, академическое сообщество и деловые круги. Тематика форума включала не только вопросы традиционной безопасности, но и устойчивого развития, цифровой трансформации и новых технологий, что подчеркивает стремление ШОС оставаться релевантной структурой в эпоху быстро меняющихся глобальных вызовов [5].

Хотя ШОС не предпринимала прямого вмешательства ни в один вооруженный конфликт, ее трансформация после 2022 г. демонстрирует, что региональные организации могут выступать аренами управления геополитическими расхождениями, а не только механизмами выработки единого консенсуса.

2. Евразийский экономический союз

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет собой региональный интеграционный блок, учрежденный в 2015 г. с целью создания общего рынка и унифицированного регуляторного пространства между рядом постсоветских государств. Его странами-учредителями стали Россия, Беларусь, Казахстан и Армения, к которым впоследствии присоединилась Киргизия. Таким образом, союз охватывает значительную часть евразийского пространства. ЕАЭС является институциональным преемником более ранних форм интеграции — в частности, Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, учрежденного в 2010 г. Юридическая и административная база ЕАЭС закреплена в Договоре о Евразийском экономическом союзе, подписанном в Астане в 2014 г. Документ предусматривает свободу перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение согласованной политики в таких сферах, как таможенное регулирование, конкуренция, промышленность, сельское хозяйство, транспорт и энергетика.

Управление союзом осуществляется через наднациональные органы, прежде всего Евразийскую экономическую комиссию, расположенную в Москве, которая обеспечивает исполнение общих правил и мониторинг их соблюдения государствами-членами. ЕАЭС стал наиболее амбициозной попыткой России

институционализировать свое лидерство на постсоветском пространстве с опорой на экономические механизмы. Несмотря на то что союз пока не представляет собой валютного объединения и характеризуется значительными асимметриями между участниками, он добился ощутимого прогресса в вопросах тарифной гармонизации, взаимного признания технических стандартов и мобильности рабочей силы — особенно важной для стран-экспортеров трудовых мигрантов, таких как Киргизия и Армения [6].

Союз заключил соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, Ираном и Сербией, а также продолжает переговоры с Индией, Египтом и рядом других стран, что свидетельствует о его растущих геоэкономических амбициях [7–9]. Вместе с тем, деятельность ЕАЭС сопряжена с рядом вызовов: доминирующая роль России вызывает обеспокоенность у меньших партнеров в отношении их суверенитета, а внешние санкции, экономические потрясения и политическая нестабильность, усугубленные конфликтом на Украине, выявили структурные уязвимости союза. Несмотря на это, ЕАЭС остается ключевым инструментом реализации российской стратегии построения многополярного экономического порядка и альтернативы западноцентричным институтам, рассматривая интеграцию как путь к евразийскому суверенитету и региональной устойчивости.

2.1. Интеграция и макроэкономическая динамика ЕАЭС

На фоне усиливающейся турбулентности мировой экономики Евразийский экономический союз демонстрирует признаки институциональной зрелости и устойчивости своей интеграционной модели. Экономическая стабильность государств-членов в 2023–2024 гг., выражавшаяся в позитивной динамике ВВП², промышленного производства и внутренней торговли, служит не столько свидетельством количественного роста, сколько индикатором способности Союза адаптироваться к внешним вызовам и сохранять координацию в условиях санкционного давления и кризиса глобальных логистических цепочек [10].

Особую роль в этом процессе сыграло развитие реального сектора и повышение сопряженности национальных экономик: восстановление инвестиционной активности, технологическое обновление в промышленности, а также расширение доступа к региональным рынкам и миграционным денежным потокам в наименее развитых странах-членах.

Внутренний товарооборот и особенно обмен услугами демонстрируют растущую взаимозависимость и взаимодополняемость экономических структур, что укрепляет внутреннюю связность Союза [11].

Существенное значение в этом контексте приобретает институциональное оформление интеграции: продвижение к реализации «четырех свобод» — движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, унификация технических регламентов, а также запуск в 2024 г. единой системы таможенного транзита. Эти шаги не только снижают барьеры и транзакционные издержки, но и формируют нормативное пространство, способное противостоять фрагментации мировой экономики и усиливать автономию региона.

Таким образом, макроэкономическая устойчивость ЕАЭС неразрывно связана с его политической миссией: стать опорой для формирования евразийского геоэкономического пространства, альтернативного западноцентричным структурам. Экономическая интеграция в данном случае выступает не как цель сама по себе, а как инструмент стратегического позиционирования в многополярном мировом порядке [6].

2.2. ЕАЭС и Китай: логистика, партнерство и пределы интеграции

Отношения между Евразийским экономическим союзом и китайской инициативой «Один пояс — один путь» трансформировались в стратегически значимое, хотя и асимметричное партнерство, основанное на развитии логистической связности и инфраструктурной интеграции на евразийском пространстве. Российско-китайское сотрудничество в данной сфере было институционализировано в рамках Меморандума о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, подписанного в 2015 г.³ Этот документ выступает в качестве рамочного соглашения, позволяющего координировать усилия без объединения институциональных структур.

Для России данное сопряжение представляет возможность построить собственную концепцию евразийского регионализма в более широкий трансконтинентальный проект, стремясь тем самым уравновесить китайское экономическое влияние путем формирования многосторонних транспортных коридоров, проходящих по территории ЕАЭС. Стратегия Москвы заключается в использовании ее географического положения, развитой транспортной инфраструктуры и таможенного режима для позиционирования России в качестве логистического узла между Китаем

² https://eec.eaeunion.org/en/news/priost-sovokupnogo-vvp-eaes-po-itogam-2023-goda-dostig-3-7/?utm_source

³ URL: https://www.silkroadfund.com.cn/enweb/2015-11/02/article_30395.html

и рынками Европы и Ближнего Востока. Среди ключевых проектов можно выделить китайско-казахстанско-российский транспортный маршрут, коридор «Западная Европа — Западный Китай», а также планы по интеграции цифровых платформ отслеживания грузов и унификации таможенных процедур [12].

Тем не менее это партнерство не лишено напряженности. Китай, как правило, обеспечивает большую часть капитала и технологий, в то время как Россия вносит вклад преимущественно в виде нормативного и геополитического сопровождения, что создает структурный дисбаланс в пользу Пекина, наделяя его преимуществом в формировании повестки — аналогичная тенденция ранее проявлялась и в рамках взаимодействия в ШОС. Кроме того, различия в институциональной логике — гибкий, преимущественно двусторонний характер инициативы ОПОП с одной стороны и наднациональный, нормативно ориентированный характер ЕАЭС с другой — ограничивают глубину возможной интеграции. Наиболее реалистичные и перспективные результаты взаимодействия находятся в области прагматичных, проектно-ориентированных форматов сотрудничества, а не в построении единой евразийской инфраструктурной системы [13].

В конечном итоге взаимодействие между ЕАЭС и Китаем представляет собой сочетание прагматической взаимозависимости и стратегического уравнивания: Россия стремится интегрировать китайские инициативы в собственную региональную архитектуру, одновременно продвигая полицентричную модель евразийского развития, способную сдерживать доминирование Пекина.

2.3. ЕАЭС и западные санкции: последствия и адаптационные механизмы

Введение масштабных санкций со стороны Запада против России оказало значительное влияние не только на внутреннюю экономику самой России, но и на функционирование Евразийского экономического союза в целом, выявив уязвимость объединения, структурно зависящего от российской экономики. Как доминирующий участник, Россия обеспечивает свыше 80% совокупного ВВП ЕАЭС, что делает Союз крайне чувствительным к внешним шокам, затрагивающим российский сегмент⁴.

Санкционные ограничения дестабилизировали финансовые потоки, логистические цепочки и доступ к зарубежным технологиям, вызвав каскадные послед-

ствия для более мелких государств-членов, таких как Армения, Киргизия и Казахстан, экономика которых во многом опирается на торговлю, денежные переводы и транспортную связанность с Россией. В ответ на эти вызовы отдельные члены ЕАЭС предприняли шаги по диверсификации внешнеэкономических связей и снижению риска вторичных санкций. В то же время в таких странах, как Армения и Казахстан, наблюдается резкий рост реэкспорта санкционной продукции в Россию, что превращает их в логистические хабы по обходу санкционных режимов⁵. Эти процессы привлекли внимание западных правительств и подчеркнули хрупкость положения небольших членов ЕАЭС, балансирующих между экономической зависимостью от России и необходимостью сохранять нейтралитет [14, 15].

Параллельно с этим кризис стимулировал обсуждение внутри ЕАЭС вопросов экономической самодостаточности, дедолларизации расчетов и политики импортозамещения, что в значительной степени согласуется с российской стратегией по созданию финансово-экономического пространства, устойчивого к влиянию западных структур. Однако различие в институциональных и экономических возможностях государств-членов затрудняет реализацию этих инициатив в равной степени, препятствуя углублению интеграции.

Таким образом, геополитическое противостояние с Западом существенно осложняет внутреннюю консолидацию ЕАЭС и ставит под вопрос его долгосрочную устойчивость как интеграционного проекта.

2.4. Валютная и финансовая интеграция: между дедолларизацией и цифровыми инновациями

После 2022 г. валютная и финансовая интеграция стала одним из ключевых направлений российской стратегии по укреплению ЕАЭС как экономического блока, устойчивого к внешнему финансовому давлению со стороны Запада. В условиях ужесточения санкционного режима и отключения российских банков от системы SWIFT Москва активизировала усилия по продвижению политики дедолларизации в рамках Союза, настаивая на расширении расчетов в национальных валютах — прежде всего в рублях, а также в тенге, драмах и сомах⁶. Хотя доля внутренней торговли ЕАЭС, осуществляемой в национальных валютах, продемонстрировала умеренный рост,

⁵ URL: <https://www.intellinews.com/comment-how-armenia-helps-russia-bypass-western-sanctions-343999/>

⁶ URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2024/02/03/3033217/de-dollarization-process-led-by-russia-almost-complete-report>

⁴ URL: <https://www.gmfus.org/publications/eurasian-economic-union-expectations-challenges-and-achievements>

данный переход сталкивается с рядом структурных ограничений: высокая волатильность валют, асимметричность торговых потоков и отсутствие единого и глубоко развитого финансового рынка существенно снижают реалистичность полной дедолларизации. На этом фоне Россия и ее партнеры по ЕАЭС все активнее исследуют возможности использования цифровых финансовых инструментов как альтернативы системам, контролируемым Западом.

Цифровой рубль, находящийся в стадии пилотного тестирования⁷, продвигается Москвой как средство повышения устойчивости к санкциям, ускорения трансграничных расчетов и укрепления монетарного суверенитета. Аналогичные инициативы реализуются и в других странах Союза — в частности, в Казахстане и Беларуси, где ведется работа над созданием собственных цифровых валют центральных банков (CBDC). Теоретически это открывает перспективу формирования в будущем совместимой цифровой платежной инфраструктуры в пределах ЕАЭС [16].

Тем не менее для реализации подобных амбиций необходим высокий уровень взаимного доверия, координации в области кибербезопасности и институциональной гармонизации, которые пока остаются на низком уровне. Несмотря на наличие мощного геополитического мотива к достижению финансовой автономии, технические и политические предпосылки для полноценного интегрированного финансового пространства в рамках ЕАЭС пока еще не сформированы и требуют значительного укрепления.

2.5. Трудовая миграция: экономический двигатель и геополитический рычаг

Трудовая миграция является одной из наиболее динамичных и значимых сфер интеграции в рамках ЕАЭС, особенно с учетом правового обязательства о свободе передвижения рабочей силы. Россия, как крупнейшая экономика региона и основная страна назначения, ежегодно принимает миллионы трудовых мигрантов из Центральной Азии — прежде всего из Киргизии, Таджикистана (не является членом ЕАЭС, но тесно вовлечен в экономическое сотрудничество) и Казахстана.

Эти мигранты играют критически важную роль в российской экономике, особенно в трудоемких отраслях — таких как строительство, сельское хозяйство, розничная торговля и сфера услуг, где ощущается острый дефицит рабочей силы из-за стареющего населения и сокращающегося трудоспособного контингента. Экономически миграция обеспечивает

предложение дешевой рабочей силы, стимулирует потребление и способствует региональной экономической активности. Политически Россия использует доступ к своему рынку труда как инструмент влияния на страны-отправители, опираясь на зависимость последних от денежных переводов.

При этом миграционная политика также используется Москвой как элемент мягкой силы: в зависимости от состояния двусторонних отношений вводятся режимы преференций или, напротив, ограничения. Однако данная динамика порождает и значительные вызовы. В странах — экспортерах рабочей силы, таких как Киргизия и Армения, высокая зависимость от денежных переводов (до 30% ВВП в случае Киргизии⁸) делает экономику уязвимой к внутренним шокам или изменениям в миграционной политике России. Кроме того, мигранты часто сталкиваются с дискриминацией, юридической незащищенностью и эксплуатацией, что вызывает негативную реакцию как внутри самих стран-отправителей, так и на уровне межгосударственных отношений [17].

Политически данные государства вынуждены балансировать между необходимостью сохранения доступа к российскому рынку труда и стремлением минимизировать социальные издержки, включая отток молодежи и утечку квалифицированных кадров. Ситуация дополнительно усложнилась после начала военных действий на Украине и частичной мобилизации в России: в ряде стран Центральной Азии наблюдался приток российских граждан, стремящихся избежать участия в боевых действиях, что повлияло на местные рынки труда и демографическую структуру.

Таким образом, трудовая мобильность в рамках ЕАЭС иллюстрирует глубокие асимметрии и зависимости, лежащие в основе евразийской интеграции, а также уязвимость миграции как инструмента геоэкономической и политической стратегии.

3. Организация Договора о коллективной безопасности

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) представляет собой межправительственный военно-политический союз под эгидой России, созданный на постсоветском пространстве с целью обеспечения коллективной обороны и региональной стабильности среди государств-участников. Ее

⁷ URL: <https://cbr.ru/eng/press/event/?id=20961>

⁸ URL: <https://en.archive.kabar.kg/news/remittance-of-migrants-make-30-of-gdp-of-kyrgyzstan/#:~:text=Remittance%20of%20migrants%20make%2030%20%25%20of%20GDP%20of%20Kyrgyzstan%2C%20according,amounted%20to%202.3%20billion%20soms>

истоки восходят к подписанию Ташкентского договора в 1992 г., который объединил шесть стран — Россию, Армению, Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан — и был направлен на поддержание координации в сфере безопасности после распада общей советской военной структуры⁹.

В 2002 г. договор был институционализирован в формате полноценной международной организации — ОДКБ — с постоянным секретариатом, Коллективными силами оперативного реагирования, а также механизмами проведения совместных военных учений, военно-технического сотрудничества и координации в случае внешней агрессии, террористической угрозы или внутренних беспорядков. В настоящее время членами ОДКБ являются Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан; Узбекистан, в свою очередь, неоднократно покидал организацию, окончательно выйдя в 2012 г.

Главной задачей ОДКБ выступает обеспечение коллективной обороны, что зафиксировано в статье 4 Устава, по своей сути аналогичной статье 5 Североатлантического альянса (НАТО), но уступающей ей как по масштабу, так и по эффективности. В соответствии с данной статьей:

«В случае совершения агрессии (вооруженного нападения, угрожающего безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету) против одного из государств-членов, это рассматривается как агрессия против всех государств-участников Договора».

В ответ на подобную агрессию другие государства-члены обязаны оказать необходимую поддержку, включая военную помощь, с целью восстановления и обеспечения безопасности подвергшегося нападению участника. Однако, в отличие от НАТО, реагирование ОДКБ на подобные вызовы на практике оказывается ограниченным и политически избирательным — что видно на примерах выборочных вмешательств, таких как миссия в Казахстане в 2022 г., и отсутствия помощи Армении в ее конфликтах.

За годы своего существования ОДКБ провела множество совместных военных учений и антитеррористических операций, а также позиционирует себя как структура, готовая к вмешательству по запросу национальных правительств. Самая заметная операция организации состоялась в январе 2022 г., когда была направлена миротворческая миссия в Казахстан для стабилизации ситуации в условиях массовых протестов — первый случай фактической

реализации коллективного механизма безопасности в истории ОДКБ [18].

Тем не менее деятельность ОДКБ сопровождается неоднозначной репутацией: организация подвергалась критике за бездействие во время армяно-азербайджанского конфликта, особенно в ходе Второй Карабахской войны в 2020 г. и в последующий период. Эти события вызвали серьезные сомнения в сплоченности и действенности механизма коллективной обороны. Хотя Россия остается доминирующим участником, функционирование ОДКБ все в большей степени отражает наличие геополитических разломов и расхождение интересов между ее государствами-членами. Таким образом, ОДКБ следует рассматривать как одновременно инструмент российской региональной политики в сфере безопасности и уязвимую платформу многостороннего военного взаимодействия в условиях фрагментированной постсоветской геополитической реальности.

3.1. Хронология военных действий и операций ОДКБ

Анализ хронологии военных действий и операций ОДКБ позволяет выявить ключевые закономерности в поведении организации, понять, в каких случаях она действительно готова к использованию коллективных военных ресурсов, а в каких — предпочитает воздерживаться от вмешательства. Эти события иллюстрируют институциональные ограничения, политические соображения и правовые амбигуитеты, влияющие на принятие решений. Включение как случаев активного вмешательства, так и случаев отказа демонстрирует неоднозначность роли ОДКБ как механизма коллективной безопасности и служит эмпирической базой для более широких выводов о ее эффективности и восприятии в странах-членах.

2003–2020 гг. — Совместные военные учения. ОДКБ регулярно проводила масштабные маневры под названиями «Рубеж», «Нерушимое братство» и «Боевое братство», направленные на отработку антитеррористических сценариев, охрану границ и повышение уровня оперативной совместимости. В большинстве случаев эти мероприятия носили символический и демонстрационный характер.

2010 г. — Беспорядки в Киргизии (отказ от вмешательства). Во время этнического насилия и политического кризиса в южной Киргизии временное правительство страны запросило военную помощь со стороны ОДКБ. Однако организация отказалась вмешиваться, назвав ситуацию внутренним делом государства, что нанесло ущерб ее авторитету.

⁹ URL: <https://en.odkb-csto.org/30-let-odkb/istoriya/>

2020 г. — Армяно-азербайджанский конфликт (отказ от вмешательства). Несмотря на членство Армении в ОДКБ, во время Второй карабахской войны она не получила военной поддержки. Организация объяснила свою позицию тем, что боевые действия происходили не на международно признанной территории Армении, тем самым обнажив правовую неоднозначность положений о коллективной защите.

Январь 2022 г. — Протесты в Казахстане (первая вооруженная миссия). В ответ на волну насилия и беспорядков ОДКБ направила в Казахстан около 2 500 военнослужащих по запросу президента Токаева. Это стало первой оперативной миссией, проведенной в соответствии со статьей 4. Интервенция длилась чуть более недели, стабилизировала обстановку и была воспринята Москвой как успешный прецедент.

Сентябрь 2022 г. — Пограничные столкновения Армении и Азербайджана (отказ от вмешательства). После новых вооруженных столкновений на армяно-азербайджанской границе Ереван вновь запросил помощь от ОДКБ. Организация направила миссию по оценке ситуации, но воздержалась от военного вмешательства, что окончательно подорвало доверие Армении к альянсу.

3.2. Внутренние расхождения: Россия и Индия

Продолжая анализ Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и ее геополитической динамики, необходимо рассмотреть, каким образом российское видение коллективной безопасности в Евразии пересекается — и в некоторых аспектах расходится — с подходами других ведущих региональных держав, прежде всего Индии. Россия воспринимает ОДКБ, наряду с такими структурами, как ШОС, в качестве краеугольного элемента континентальной архитектуры безопасности, призванной оградить евразийское пространство от деструктивного внешнего вмешательства морских держав — прежде всего Соединенных Штатов и их союзников. Это видение носит институциональный, «сверху вниз» характер и отражает стремление Москвы закрепить свое лидерство посредством формальных альянсов и правовых механизмов, усиливающих многополярность и сдерживающих западное влияние.

Индия, напротив, несмотря на общую критичность в отношении западной гегемонии, демонстрирует более прагматичный и децентрализованный подход к вопросам региональной безопасности. В отличие от России, Индия предпочитает гиб-

кие и незакрепленные договорными обязательствами партнерства, а ее участие в таких форумах, как Четырехсторонний диалог по безопасности (Quad), обусловлено не столько идеологическими установками, сколько прагматическим балансированием интересов. Эта разница указывает на более глубокий стратегический разрыв: Россия стремится к пересмотру существующего порядка через формализованные механизмы, тогда как Индия, находящаяся на подъеме, ориентируется на постепенные адаптационные изменения в рамках действующей системы¹⁰.

Тем не менее такие расхождения не ведут к прямому конфликту. Напротив, они стали основой стратегической взаимной аккомодации, при которой обе стороны признают легитимность подходов друг друга, сохраняя при этом взаимодействие в рамках многополярных институтов, таких как ШОС. Для России такое сосуществование структурированных и гибких моделей представляет собой необходимый компромисс в стремлении к лидерству на глубоко неоднородном евразийском пространстве.

4. Содружество Независимых Государств

Содружество Независимых Государств (СНГ), созданное в декабре 1991 г. на основе Беловежских соглашений, первоначально рассматривалось как инструмент управления распадом СССР и минимизации политических и экономических рисков на переходном этапе. Оно объединяло 12 бывших союзных республик, включая Россию, Украину, Белоруссию и республики Центральной Азии, в попытке сохранить базовую инфраструктуру сотрудничества в области безопасности, торговли и культурных связей без возрождения единой государственности. На раннем этапе СНГ выполняло функции переходного механизма: поддержание общего пространства безвизового передвижения, координация внешней миграционной политики, а также создание правовой базы для двустороннего и многостороннего сотрудничества. Тем не менее отсутствие наднациональных институтов, обязательных процедур и общей стратегической повестки привело к постепенному снижению его роли как реального интеграционного проекта. Политическая значимость СНГ стала особенно уязвимой в условиях конфликтов между государствами-участниками. Выход Гру-

¹⁰ Kortunov A. Collective Security in Eurasia: Views from Moscow and from New Delhi. Russian International Affairs Council (RIAC). URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/collective-security-in-eur-asia-views-from-moscow-and-from-new-delhi>

зии в 2008 г., а затем де-факто разрыв отношений Украины с организацией после 2014 г. показали неспособность СНГ выступать в качестве механизма предотвращения и урегулирования конфликтов. Украина, хотя и не ратифицировала устав СНГ, использовала его институты до 2018 г. [19].

В XXI в. СНГ все больше утрачивает свои координационные функции, уступая место более специализированным и политически управляемым структурам, таким как ОДКБ и ЕАЭС, где доминирующая роль России реализуется институционально. В этом контексте СНГ превращается скорее в инструмент «инерционного» взаимодействия, предоставляя минимальную платформу для сохранения дипломатических каналов и подписания технических соглашений. Несмотря на это, определенные форматы сотрудничества — в частности, в гуманитарной сфере, в области стандартизации и признания образовательных документов — продолжают функционировать, что придает СНГ административно-поддерживающий и символический характер, особенно для стран, заинтересованных в сохранении лояльных связей с Москвой без жесткой политической привязки. Таким образом, СНГ сегодня — это не столько организация интеграционного типа, сколько реликт постсоветской архитектуры, позволяющий участникам сохранять формальные связи без обязательств, а России — демонстрировать номинальное единство пространства, которое фактически давно перестало быть однородным.

5. Стратегическая логика российской региональной архитектуры

Участие России в СНГ, ОДКБ, ШОС и ЕАЭС отражает цельную стратегическую установку — формирование сети взаимоперекрывающихся региональных институтов, служащих противовесом западным моделям глобального управления и закладывающих основы многополярного мирового порядка. В рамках каждой из этих структур Россия выступает либо в качестве основного архитектора (как в случае с ОДКБ и ЕАЭС), либо как равноправный крупный актер (в ШОС), опираясь на свои политические, военные и экономические ресурсы для консолидации влияния на постсоветском и более широком евразийском пространстве.

Эти организации выполняют функцию региональных «центров силы», не только закрепляя российское лидерство, но и воплощая альтернативные нормы глобального управления — на основе суверенитета, невмешательства и полицентричности — в противовес западным либеральным моделям.

ОДКБ представляет собой военно-политический щит, ЕАЭС — формализованную экономическую взаимозависимость, СНГ — административный контур постимперской преемственности, а ШОС — канал дипломатического взаимодействия с Китаем, Индией и другими азиатскими державами.

В совокупности эти структуры не сводятся лишь к инструментам доминирования, но являются частью долгосрочной стратегии России по оформлению фрагментированной, плюралистической международной системы, в которой ни один центр силы — и особенно США — не обладает монополией на глобальное лидерство. Институционализируя свое влияние по различным направлениям, Россия стремится позиционировать себя не только как возвращающую лидирующие позиции державу, но и как цивилизационное ядро, способное стать основой альтернативных региональных порядков.

ВЫВОДЫ

Проанализированные в статье структуры — ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и СНГ — представляют собой неразрывно связанные, но функционально дифференцированные компоненты российской стратегии в Евразии. Каждая из них отвечает на разные вызовы: ЕАЭС обеспечивает экономическое взаимодействие и институционализирует торговую взаимозависимость; ШОС формирует дипломатическую и идеологическую коалицию с участием азиатских держав; ОДКБ воплощает коллективную безопасность под российским руководством; а СНГ продолжает выполнять роль административной и символической оболочки постсоветского пространства.

При этом данные организации не образуют единой системы, а скорее представляют собой перекрывающиеся зоны влияния, через которые Россия выстраивает гибкую, модульную конфигурацию регионального лидерства. Эта архитектура позволяет учитывать внутренние противоречия, адаптироваться к асимметриям между участниками и избегать прямой конфронтации с другими центрами силы. Однако успех подобной модели зависит от множества факторов — от устойчивости экономики и способности к институциональной модернизации до внешнеполитической гибкости и умения строить компромиссы с такими странами, как Китай и Индия.

На сегодняшний день можно констатировать, что Россия, несмотря на санкционную изоляцию и геополитическое давление, сумела сохранить и даже укрепить свое влияние на евразийском пространстве за счет институциональных механиз-

мов, которые не только отражают ее интересы, но и задают параметры допустимого взаимодействия для других участников. Вместе они составляют инфраструктуру альтернативного международного порядка, в котором Россия не столько конкурирует с Западом, сколько предлагает иную логику глобального устройства — основанную не на универсализме, а на множественности цивилизационных центров.

Таким образом, институциональный вектор российской внешней политики в Евразии следует рассматривать не как временную реакцию на внешнее давление, а как долгосрочный проект по формированию нового регионального баланса, в рамках которого Россия стремится позиционировать себя не только как стратегического игрока, но и как организующую силу в становлении многополярного мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Alimov R. The Shanghai Cooperation Organisation: Its role and place in the development of Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*. 2018;9(2):114–124. DOI: 10.1016/j.euras.2018.08.001
2. Yenikeeff Sh., Lukin A., Novikov D. The Shanghai Cooperation Organisation in new geopolitical realities. *International Organisations Research Journal*. 2024;19(1):129–148. DOI: 10.17323/1996–7845–2024–01–06
3. Aris S. Russian-Chinese Relations through the Lens of the SCO. *Russie Nei Visions*. 2008;(34). URL: <https://www.ifri.org/en/papers/russian-chinese-relations-through-lens-sco>
4. Perskaya V.V., Khairov B.G., Revenko N.S., et al. Role of the People’s Republic of China in the Activities of the Shanghai Cooperation Organisation. *East Asia*. 2022;39:149–160. DOI: 10.1007/s12140–021–09373-y
5. Ünaldirar Kocamaz S. The Rise of New Powers in World Politics: Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization. *Uluslararası İlişkiler*. 2019;16(61):127–141. DOI: 10.33458/uidergisi.541542
6. Yilmaz S. Eurasian integration and its challenges. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. 2017;4(2). DOI: 10.15549/jecar.v4i2.166
7. Vu Dinh Khoa, Agarwal S., Rincon Aponte G.J., Nguyen THN, Solanki V.K., Ziemba E, eds. *Proceedings of the 2021 International Conference on Research in Management & Technovation*. ACSIS. 2021;28:91–98. DOI: 10.15439/2021KM53
8. Adarov A., Ghodsi M. The impact of the Eurasian Economic Union–Iran preferential trade agreement on mutual trade at aggregate and sectoral levels. *Eurasian Economic Review*. 2021;11(1):125–157. DOI: 10.1007/s40822–020–00161–2
9. Jović-Lazić A, Lađevac I. The Eurasian Economic Union (EAEU) and its Relations with Serbia. *International Organizations*. 2022;2:38–55. DOI: 10.18485/IIPE_IOSCW.2022.2.CH2
10. Hakhverdyan D., Tadevosyan R., Pakhlyan A., Ratner S. The Impact of Eurasian Economic Union Membership on Mutual Trade in Services: What are the Challenges for Small Economies? *Journal of Risk and Financial Management*. 2025;18(3):143. DOI: 10.3390/jrfm18030143
11. Burnasov A., Ilyushkina M., Kovalev Y., Stepanov A. V. Logistics infrastructure of the Eurasian Economic Union (EAEU) in providing transit from China to the European Union. *Studies of the Industrial Geography Commission of the Polish Geographical Society*. 2020;34. DOI: 10.24917/20801653.344.9
12. Ковалёв В.С. ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023;17(3):15–24. DOI: 10.22394/2073–2929–2023–03–15–24
Kovalev V.S. The EAEU and China: Partnership in the interests of self-sufficiency. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023;17(3):15–24. (In. Russ.). DOI: 10.22394/2073–2929–2023–03–15–24
13. Libman A. Chapter 16: EAEU and economic sanctions. In: *The Elgar Companion to the Eurasian Economic Union*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing; 2024. DOI: 10.4337/9781800375000.00027
14. Ишуков А.А., Бедрина Е.Б. Европейская и евразийская интеграции: сходства и различия. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. 2020;(4):80–95. URL: <https://www.elibrary.ru/inirri>
Ishukov A.A., Bedrina E.B. European and Eurasian integration: Similarities and differences. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Ser.: Humanities and Social Sciences*. 2020;(4):80–95. URL: <https://www.elibrary.ru/inirri> (In. Russ.).
15. Mozaffari Falarti M, Naqvi FH. Eurasia’s Economic Shift: The rise of de-dollarization and the quest for financial autonomy. *Journal of Iran and Central Eurasia Studies*. 2024;7(1):95–110. DOI: 10.22059/jices.2024.98941

16. Prokopenko A. Can the digital ruble shield Russia from western sanctions? *Carnegie Endowment for International Peace*. 2024. 30 p. URL: <https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/Russia's%20Digital%20Ruble.pdf>
17. Tsibulina A. Labour Migration in the EAEU: Any Similarities with the EU? *SSRN*. 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3509288
18. Kropatcheva E. Russia and the Collective Security Treaty Organisation: Multilateral policy or unilateral ambitions? *Europe-Asia Studies*. 2016;68(9):1526–1552. DOI: 10.1080/09668136.2016.1238878
19. Abramova M, Vilisov M. The Post-Soviet transition: Constitutional structuring and political reality (case-study de la CEI). *Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana De Derecho Constitucional*. 2020;1(42):3–38. DOI: 10.22201/ij.24484881e.2020.42.14335

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Вирджиния Морена Гатто — магистр по международной безопасности, Университет UNINT, Рим, Италия; аспирант кафедры международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Virginia Morena Gatto — Master's Degree in International Security, UNINT University, Rome, Italy; PhD candidate in International Relations, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-5020-8173>

viriniagatto98@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.07.2025; принята к публикации 01.08.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 07.07.2025; accepted for publication 01.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.